Рюноскэ снился город в огне.

Не Фуюки, как это случилось. Было бы понятно, если бы он это сделал, но нет. Здания были короче, старше, сделаны из дерева и камня, а не из стали и стекла. Улицы были узкими, предназначенными скорее для лошадей и повозок, чем для автомобилей, и люди, которые неслись по ним с оружием и ведрами воды, были одеты в своеобразную архаичную одежду, а не в костюмы, которые Рюноскэ привык видеть.

История Японии точно не была его лучшим предметом, и он никогда ею особо не интересовался. Тем не менее, даже он узнал храмы и пагоды Киото, когда увидел их. Ездил ли он туда на школьную экскурсию в какой-то момент? Кто вообще знал.

Тем не менее, он видел это ясно, как день. Слишком ясно. В этом была ясность памяти, без какого-либо символизма и странного двойного существования, которые были у объектов во снах. Звуки ревающего огня и кричащих людей были отчетливыми и детализированными, чего не было в снах; запах дыма и горячей плоти - еще сильнее. Рюноскэ мог бы поклясться, что не спал ... вот только у него не было тела, он не мог контролировать то, что видел. Все, что он мог делать, это смотреть.

Рюноскэ был бы первым, кто признал бы, что он не был самой яркой лампочкой в ящике стола, но он не был глупым. Итак, он ничего не знал о древнем Киото. На самом деле, он мог думать только об одной связи - о его Слуге. Его Ибараки была оттуда, не так ли? И этот сон явно был каким-то волшебным, что означало, что все это каким-то образом было связано с ней.

При этой мысли он расслабился. Если это была Ибараки, ему не о чем было беспокоиться. Он откинулся на спинку стула и наслаждался зрелищем, ожидая ее появления.

Ему не пришлось долго ждать. Его взгляд сфокусировался на узкой улочке, запруженной от стены до стены гвардейцами в доспехах с копьями. Они рванулись вперед, крича и нанося удары - и были рассеяны, как кегли. Появилась Ибараки, с безрассудным восторгом размахивая огромным костяным клинком, с широкой улыбкой на лице. Однако что-то было не так. Что это было?

"Вахаха! Бойтесь меня, жители Киото! Великий Ибараки-додзи снова приходит, чтобы сжечь ваш город и украсть ваши сокровища!" Она взмахнула своим мечом, случайно проделав дыру в каменной стене рядом с ней и заставив здание с другой стороны содрогнуться. Ибараки посмотрела на причиненный ею ущерб, казалась удивленной, но быстро взяла себя в руки. "Э-э... посмотрите, насколько ничтожны ваши человеческие жилища перед мощью горы Оое они! Ahahaha!"

По мнению Рюноскэ, меч был действительно слишком велик для использования на этих крошечных улочках - идеальный в открытом бою, но он мешал только в ближнем бою. Тем не менее, он не хотел бы быть тем, кто стоит перед этим.

Солдаты перед Ибараки дрогнули, но их капитан держался твердо. "Держитесь, мужчины! Выиграйте время для прибытия онмедзи! Они запечатают этих демонов. А пока соберись с духом и защити сегуна и принцесс!"

Ибараки снова рассмеялся. "Да, да! Отдай все, сражайся и умри под клинком они, вот как это должно быть! Когда придут твои онмедзи, я расплющу и их! Приди!"

Рюноскэ наблюдал за перепалкой, забавляясь, но все же кое-что показалось ему странным. Затем он понял. Ибараки веселился. Даже когда она набросилась на солдат, разбрасывая их во

все стороны и отправляя в полет мощными размахистыми ударами своего меча, она смеялась от ликования и возбуждения. Даже когда капитан сражался с ней на дуэли с мастерством, превосходящим мастерство любого из его людей, оставляя кровавые полосы на плечах и запястьях Ибараки, которые стекали по ее телу, сливаясь с ее татуировками, она никогда не теряла радостного энтузиазма битвы.

Это была та ее сторона, которую он никогда не видел. В Войне за Святой Грааль Слуга Берсеркер сражалась упорно и интенсивно, но в ней всегда была скрытая мрачность. Ей не нравилось разрушать храм Рюдодзи подобным образом или питаться за счет посетителей Копенгагена. Когда она намеревалась поставить Фуюки на колени, она делала это методично и с большой эффективностью.

Если бы ему пришлось назвать эмоцию, которая ассоциировалась бы с его Слугой Берсеркером, он бы не сказал "наслаждение", нет. Что двигало его Слугой с того момента, как она была вызвана, в ее битвах с Сэйбер и Кастер, что заставило ее вести себя совсем не так, как смеющийся демон, которого он видел в древнем Киото?

Даже в разгар ее дуэли с капитаном она была вынуждена защищаться от врывающихся солдат - и хотя каждый молниеносный взмах ее меча обладал силой лавины и давил людей в доспехах, как насекомых сапогом, им не было конца. Копье попало ей в бок, разорвав бананово-желтое кимоно. Она испепелила удачливого солдата небрежным жестом, но это движение позволило капитану пробить мечом ее защиту, заставив Ибараки отлететь в сторону, прежде чем она восстановила равновесие и заставила улицу содрогнуться от еще одного титанического удара, чтобы создать дистанцию. Она все еще улыбалась.

"Это все, что у вас есть, воины столицы? Почему, даже дети на горе Оое устраивают больше драк, когда мы отправляем их спать!"

Солдаты дрогнули, но держались крепко. Капитан поднял свой меч в защитную позицию. "Скоро ты будешь спать в земле, демон. Пока я здесь, нога они никогда не ступит в Императорский дворец!"

"О?" - ответил голос позади него, и разум Рюуноскэ застыл. "Тогда где я нашел эту принцессу?"

Голос был как мед, мягкий, сладкий и страстный. Он капал ему в уши, и его мозг плавился от этого звука. Его видение - такое ясное раньше - затуманилось. Детали расплылись, цвета стали перенасыщенными, и он почувствовал, как его точка зрения медленно меняется. Вместе с голосом донесся нежный запах фруктов.

С запахом фруктов пришло безумие.

Капитан и его солдаты упали. Некоторые бились в конвульсиях. Некоторые кричали. Некоторые царапали собственные лица, пока кровь не потекла по их подбородкам. Некоторые просто смотрели безучастно, глаза были полны ужаса внутри их голов.

Все, на чем Рюуноскэ мог сосредоточиться, было чудовище, крадущееся из боковой улицы.

Она была крошечной, даже ниже Ибараки. На первый взгляд она выглядела как красивая женщина, со стройными бледными конечностями и короткими темными волосами, пронизанными парой рогов, естественным образом спускающихся со лба. Она была едва одета, в слишком короткое фиолетовое кимоно, слегка подвязанное поясом вокруг талии. Там, где у Ибараки были клыки, у монстра были клыки, которые он обнажил в приторно-сладкой улыбке, когда вышел из тени.

В одной изящной руке он держал молодую девушку за волосы, волоча ее по улице. Она была все еще жива, но, если Рюноскэ мог судить, это было сделано не из чувства милосердия. Лицо девушки было маской ужаса, и она прерывисто дышала с нерегулярными интервалами. Через мгновение Рюноскэ поняла, что пытается кричать голосом, который уже давно стал хриплым.

Рюноскэ никогда еще не был так напуган. Рюноскэ никогда еще не был так очарован.

"О, Ибараки, ты был занят", - промурлыкал монстр, глядя на побоище. "Ты слишком много работаешь, ты знаешь..."

И снова голос сладким ядом просочился в его разум и растопил все перед собой. Рюноскэ сказал себе, что это был всего лишь сон - всего лишь воспоминание о давнем прошлом, и что это не могло причинить ему вреда. Он не был уверен, что верит сам себе.

Ибараки покраснела и потеряла затылок. "Прекрати это, Шутен... это все ради тебя, ты знаешь".

Монстр - Шутен - пожал плечами, одно бледное обнаженное плечо поднялось и опустилось. "Я уверен, что никогда не просил тебя идти с нами... все, что я сказал, это то, что собираюсь в путешествие. Ты в одиночку превратил это в полноценный рейд горы Оое они. Тебе действительно стоит попытаться еще немного расслабиться, Ибараки. Быть все время таким серьезным не может быть хорошо для тебя ..."

"Тебе следует иногда быть немного более серьезным, Шутен! Если ты и дальше будешь бегать и делать все, что тебе заблагорассудится, этот глупый онмедзи узнает, что это ты, и пошлет за нами эту корову и ее четырех Как там их ". Несмотря на ее ругань, Рюноске не мог не заметить глупую улыбку на лице Ибараки. Было ли это причиной ее ссоры? "Честно говоря, я не знаю, что случилось бы, если бы я не продолжал вот так прикрывать тебя".

"О, все бы получилось. Они всего лишь люди, Ибараки".

Ибараки заерзал. "Ну да, конечно. Ничто не может устоять перед мощью они, это очевидно... но даже так ..."

Шутен прошел мимо нее, похлопав по плечу. "Ты слишком много беспокоишься. Если кто-нибудь устроит неприятности, мы просто уьем их ... хм? Ибараки, возможно, я выдумываю, но ты нашел игрушку для себя?"

"А?" Ибараки склонила голову набок. "Я ... нет? Что ты имеешь в виду?"

Монстр Шутен-доджи посмотрел прямо в глаза Рюноскэ - и был пойман. Его мир сузился до пары фиолетовых глаз, в то время как все остальное превратилось в размытое пятно. Его сердце бешено колотилось в груди и, казалось, искажало все вокруг бешеными скачками. Он глубоко погрузился в эти безжалостные глаза...

... и проснулся в холодном поту.

Он лихорадочно огляделся и обнаружил, что находится в комнате, в которой он остановился в храме. Это было довольно по-спартански, даже по стандартам, знаете, монахов - просто маленькая келья с четырьмя койками и больше ничего. С другой стороны, у него было не так уж много имущества, так что, эй, может быть, он все-таки был создан для монашеской жизни. Он глубоко вздохнул, пытаясь выбросить из головы запах фруктов.

Что это было "?

Дверь открылась, и вошла красивая темноволосая женщина, неся поднос с чаем и тостами.

"Доброе утро, соня!" - сказала она. "Ну, называть тебя "соня" немного нахально с моей стороны, так как это я держала тебя под ... и на самом деле сейчас тоже не утро... хм, позволь мне попробовать еще раз! Добрый день, Мастер Берсеркера! Приятных снов?"

Он вздрогнул, фиолетовые глаза вспыхнули в его голове. Он схватил кружку с чаем и отхлебнул, благодарный за то, что отвлекся.

"Не так уж много, хм? Не волнуйся, дорогая, большую часть времени снятся только сны. Если тебе не действительно не повезло, не должно быть никаких длительных побочных эффектов. Итак, что последнее ты помнишь, любовь моя?"

Последнее, что он помнил? В тот момент ему было трудно вспомнить что-либо, кроме монстра из его снов ... но постепенно это начало возвращаться к нему. Берсеркер разорял город, она связалась с ним, чтобы заставить его использовать командные заклинания, чтобы вытащить его из щекотливой ситуации, а затем...

"Она вырубил меня!" - выпалил он. "Я думал, слуги не могут этого сделать!"

"О, нет, мы можем", - сказала женщина. "Не так уж много ситуаций, в которых мы хотели бы этого, но единственное, что действительно останавливает предательство, - это командные заклинания, и, если вы чего-то не ожидаете, большинство Мастеров недостаточно быстры в розыгрыше, чтобы остановить нас... о, где мои манеры? Я Заклинатель слуг, дорогая, и я тот, кто контролировал твоего Берсеркера, чтобы убрать тебя со сцены на некоторое время."

Женщина добродушно улыбнулась, и Рюуноскэ почувствовал, как у него скрутило живот. Он с паникой посмотрел на чай.

"О, не говори глупостей, мне не нужно кормить тебя чем-либо, чтобы подчинить своей воле", - сказал Кастер с нежной улыбкой. "Чай - это просто чай, я обещаю".

Берсеркер! Мысленно позвал Рюуноске, охваченный нарастающей паникой. Небольшая помощь! Эта сумасшедшая сука поймала меня!

Ответа не было.

"Да, боюсь, я отправил Берсеркера с небольшим поручением", - сказал Кастер. "Теперь мы не хотим, чтобы она отвлекалась, поэтому я оборвал связь между вами двумя. Да, командные заклинания тоже", - добавила она, когда Рюуноскэ посмотрел на свою руку.

Когда он посмотрел на дверь своей камеры, пытаясь понять, может ли он рискнуть и сбежать, Кастер вздохнул. "О, расслабься. Честно говоря, если бы я хотел причинить тебе боль, ты бы не проснулся. О боже, это прозвучало как угроза, не так ли? Этого действительно не должно было быть ..."

Рюуноске настороженно посмотрел на нее. "Итак ... ты сказала, что не давала мне спать? Значит ли это, что ты разбудила меня? Почему?"

"О, ты какой проницательный. На самом деле, я думал, ты тупее этого ... ну, может быть, это просто долгосрочное планирование, в котором ты не очень хорош ..."

Не было никакого смысла душить ее, напомнил себе Рюуноскэ. Никогда не было ничего

хорошего в том, чтобы просто убить кого-то из страсти без какого-либо планирования или предусмотрительности, и, кроме того, он, вероятно, превратился бы в тритона, прежде чем закончил работу.

"Но, да. Здесь кое-кто хочет тебя увидеть! Так что, выпей и приведи себя в презентабельный вид, дорогая".

Рюноскэ вскочил с кровати и потер глаза. Спорить не имело смысла. Он не хотел выяснять, что Кастер сделал с упрямыми Мастерами. Но не было никаких причин, по которым ему это должно было нравиться. "Ты не можешь просто сделать из меня фею-крестную в красивом платье? Блин, что ты за ведьма такая?"

Он был вознагражден искренним смехом, Кастер, очевидно, был застигнут врасплох. "Тебе бы это понравилось?"

"Эй, я говорю не просто о каком-то платье. Настоящая принцесса Диснея или ничего".

"Ну, я, безусловно, могу справиться с одним из них ..." Сказала Кастер с озорным блеском в глазах.

Вопреки самому себе, несмотря на то, что он был пленником, несмотря на то, что его Слуга был Бог знает где, Рюноскэ почувствовал, как напряжение, которое он испытывал, спало. Было ли это просто еще одним волшебством? Он не видел, чтобы Кастер что-то делал...

Ни с того ни с сего ему в голову пришел вопрос.

"Эй, Заклинатель..."

"Мм?"

"Как кто-то становится волшебником?"

Кастер замер и пристально посмотрел на него. "Теперь это вопрос. Почему ты спрашиваешь?"

Это был очевидный ответ, но он все равно сбил его с толку. Ему потребовалось время, чтобы привести в порядок свои мысли.

"Послушай, до всего этого я просто плыл по течению жизни. У меня были свои интересы, но не было цели, понимаешь? Затем я попробовал ритуал вызова демонов, просто ради забавы, и внезапно появился целый мир, о котором я никогда не знал. Магия, волшебники ..." В его памяти всплыла пара фиолетовых глаз, и перед глазами все поплыло. Он покачал головой, и фиолетовый цвет сменился желтым. Он улыбнулся. "... монстры. Это чертовски страшно, но я должен знать больше. Я ни за что не могу просто забыть, что все это существует".

Кастер выглядел задумчивым. "Мм... есть причины и похуже для того, чтобы попасть в этот мир. К сожалению, я не могу тебе помочь".

"Все в порядке. Не беспокойся. Просто подумал, что стоит спросить, потому что, знаешь, ты, наверное, лучший заклинатель в округе".

"На самом деле, сейчас в тройке лучших в мире... о, это так расстраивает. Не часто видишь, как кто-то приходит с такой мотивацией, как у тебя, и я хотел бы посмотреть, чего ты мог бы добиться сам. Но я не могу. На самом деле, я испытываю искушение взять тебя под свое крыло,

но я уже занят с одной ученицей, и, ну, Берсеркер, вероятно, сильно приревнует, если я заберу тебя у нее ... "

Она задумчиво прижала костяшки пальцев к голове, казалось, искренне сопротивляясь. Рюноскэ не смог удержаться от улыбки.

"Привет. Как я уже сказал, не беспокойся. Я что-нибудь придумаю".

"Хм, да, но я хотел бы, чтобы вы помогли хотя бы немного... что ж, я подумаю и посмотрю, что я могу для вас сделать. Это такой позор, но ты, вероятно, все равно будешь мертв к концу войны ".

Это заставило Рюноскэ замолчать. "А?"

"О, да, вы с Берсеркером не завели много друзей, ты знаешь? Я, конечно, все понимаю, но, на мой взгляд, Сэйбер и Райдер особенно злы на тебя. Ну, в основном Берсеркер, но она крепкий орешек, и всегда легче просто пойти за Мастером. Боюсь, у тебя нет шансов против любого из их Хозяев, поэтому все, что им нужно сделать, чтобы избавиться от Берсеркер, - это задержать ее на достаточно долгое время, чтобы их собственный Хозяин нашел тебя. И, что ж, ты скорее сделал это их приоритетом в своей сегодняшней игре. Теперь ты был бы в безопасности, потому что никто не знает, кто ты, но... эхехе ..." Кастер заерзала и смущенно сложила пальцы вместе.

Рюноскэ не понравилось, к чему это клонится. "Что ты сделал?"

"Эм, знаешь что, мы теряем здесь время, и все это действительно то, что тебе следует обсудить с модератором, он тот парень, который ждет встречи с тобой, между прочим... выходи, молодой человек, чоп-чоп!" Заклинатель вывел Рюноскэ из комнаты, и он позволил этому случиться - помимо всего прочего, Слуга был значительно сильнее его.

Он привык к взрывной силе, которую могли создавать тонкие, как веточки, руки Ибараки, но ведь она всегда должна была быть бойцом на передовой. У него был образ Кастерса как занудных слуг-книжных червей, но, похоже, даже они превосходили даже большинство людей-тяжелоатлетов.

Для этого не было другого слова. Этот мир был таким крутым.

В храме Рюдодзи было что-то меланхоличное, размышлял Рисей. Он не собирался никому рассказывать, как управлять их религиозными объектами, но видеть все это мертвым и пустым было грустно. Это должно быть если не полно жизни, то, по крайней мере, спокойно.

Единственными признаками жизни были Кастер и ее Мастер, работающие на открытом пространстве внутреннего двора. Что они делали, Рисей не могла сказать.

Место было наполовину разрушено. Территория храма была окружена высокой каменной стеной. Это было все еще нетронутым, но ворота тории были оставлены там, где они были, отброшенные через двор, чтобы лежать вмурованными в святилище, обращенное к публике. Когда-то храмовый комплекс представлял собой горстку древних зданий из камня и дерева, окружающих сам храм. Теперь здесь была дыра, достаточно большая, чтобы через нее проехал грузовик, камень стен был пробит, что привело к хаосу внутри.

Балки и столбы, которые поддерживали здания, были разбросаны по всему двору, не более чем щепки. Рисей пробирался через это, избегая острых деревянных брусков и темных пятен на

них. Ветер свистел в жутком лесу и сквозь дыры в здании, и Рисей плотнее запахнул свою одежду священника. Это действительно выглядело так, как будто на храм обрушилось какое-то стихийное бедствие.

Но нет. Берсеркер разрушила это место точно так же, как она собиралась разрушить весь Фуюки. Если бы Рисей уделял больше внимания, если бы он лучше следил за происходящим, смог бы он увидеть приближение буйства Берсеркера? Мог ли он лучше отреагировать на это? Узнать было невозможно. Рисей помолился за монахов и направился на кухню – одну из немногих частей храма, оставшихся нетронутыми.

Кастер разбудила Мастера Берсеркера и оставила его там, чтобы он сориентировался, прежде чем привести Рисея. Для его безопасности, по крайней мере, так она сказала. Рисей не был полностью уверен, насколько он доверял Кастеру. Она была слишком счастлива, чтобы признать случайный контроль над разумом, и, казалось, имела склонность к обману и надувательству. Не говоря уже о том, что, если ей верить, именно она вынудила Берсеркера причинить ему боль там, в церкви.

Рисей рассеянно потер ожог на щеке. От него остался бы ужасный шрам, если бы он когда-нибудь выбрался из этого бардака. Бросив последний взгляд на Кастера и Вэйвер Вельвет, разбиравших обломки святилища, он открыл кухонную дверь и вошел, чтобы встретиться с Мастером Берсеркера.

<http://tl.rulate.ru/book/98536/3340587>